

УДК 321

Владислава Николаевна Семенова

канд. филос. наук, доц., зав. каф. философии
и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы

Vladislava Semenova

Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor,
Head of the Department of Philosophy and Methodology of University Education
of National Institute for Higher Education
[e-mail: vl.semenova@gmail.com](mailto:vl.semenova@gmail.com)

ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ

Выявляется специфика теоретической рефлексии политического в традиции, модерне и постмодерне. Осуществляется анализ особенностей политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну на рубеже XX–XXI вв. Дается характеристика таких черт политического, как ризоматичность, фрагментарность, анонимность, символичность, медиатизация. Делается вывод о доминировании данных особенностей в политической сфере начала XXI в.

Transformation of the Political in the Era of Transition from Late Modernity to Postmodernity

The author examines the differences in theoretical reflection of the political in traditional society, modernity and postmodernity. Much attention is given to the features of the political in the era of transition from late modernity to postmodernity at the turn of the XX–XXI centuries. It is spoken in detail about such features of the political as rhizomaticity, fragmentation, anonymity, symbolism, mediatization. The conclusion is made that these features are predominant in the political sphere at the beginning of the XXI century.

Введение

Происходящая на протяжении последних десятилетий смена парадигмальных оснований (переход от позднего модерна к постмодерну) затрагивает все сферы, включая политическую, и приводит к структурным, функциональным и содержательным трансформациям последней.

Цель статьи – анализ сущностных трансформаций сферы политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну на рубеже XX–XXI вв. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

1) рассмотрение парадигмальных подходов к пониманию политического (традиция, модерн, постмодерн);

2) выявление специфики методологических подходов к анализу политического на рубеже XX–XXI вв.;

3) анализ особенностей политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну;

4) характеристика таких черт политического, как ризоматичность, фрагментарность, анонимность, символичность, медиатизация политического.

Обращаясь к хронологическим рамкам современности (Модерна), исследователи (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Ф. Джеймисон, З. Бауман, У. Бек, А. Дугин и др.) отдельно выделяют последний этап – «поздний модерн» («интенсивный модерн» у А. Дугина, «радикальный (рефлексивный) модерн» у Э. Гидденса), раскрывающий свои принципиальные черты и особенности во второй половине XX в. Однако с учетом происходящих на рубеже XX–XXI вв. радикальных изменений во всех общественных сферах, можно сказать, что западная цивилизация находится на этапе «позднего позднего модерна» и фактического парадигмального перехода к новой эпохе постмодерна, когда все «вечные» вопросы снова актуализировались и заострились. Одним из основных на рубеже XX–XXI вв. снова становится вопрос о сущности политического. Остается ли политическое в эпоху постмодерна все той же сферой, «в которой создаются условия для совместной жизни индивидов, основы человеческого общежития», [1, с. 17] или сущность политического радикально меняется?

В политической теории и практике начала XXI в. политическое рассматривается исходя из различных парадигмальных подходов (традиционного, модерна и постмодерна) и является результатом сложного переплетения (скорее, хитросплетения) различных политических логик: «Логика традиционного общества с естественными иерархиями, логика Модерна с его стремлением к политическим стандартам универсализации и технократизации, наконец, логика постсовременности с акцентированным вниманием к Различию и Иному» [1, с. 17].

Существуют отличия в понимании политического в традиционном обществе и модерне. В традиции политическое тесно взаимосвязано с иными общественными сферами и подчинено метафизическим и религиозным принципам. Одновременно политическое есть сфера актуализации совместных человеческих усилий, а также реализация человеческой природы как микрокосмоса («человек есть политическое животное»).

Переходной фигурой от традиционного понимания политического как обусловленного метафизическими и религиозными факторами к эмансипации политического в модерне по праву считается Н. Макиавелли, основатель новоевропейской политической науки. В работе Макиавелли «Государь» (1532), отмечает российский исследователь Т. А. Алексеева, «произошло расхождение двух традиций познания политического – на нормативную и технологическую, означавшие своеобразный переворот в восприятии социального и политического порядка» (курсив наш. – В. С.) [2, с. 29]. В модерне происходит автономизация политического от иных сфер общественной жизни, оно оформляется в самостоятельную сферу, функционирующую по своим собственным законам: «Постепенно кристаллизуется понятие государственных интересов как управления государством по свойственным ему рациональным законам, которые не выводятся только из естественных и божественных законов, философских и моральных идеалов, а проистекают из особой реальности самого государства» [2, с. 30]. Политическое модерна встраивается в общую сциентистскую канву классической рациональности, соответствуя критериям рациональности и подчиняясь законам логики.

Однако и традиция, и модерн рассматривают политику телеологически, как сферу реализации космических/божественных или общественных/государственных интересов. М. М. Федорова в работе «Философия и политика» точно подмечает специфику именно политического: «Политика – это практика в узком смысле этого слова, но никак не техника, т. е. способы применения имеющихся знаний к чему бы то ни было. Она соотносима именно с общим действием (praxis), подготовлена диалогом (lexis), в ходе которого граждане, собравшиеся в публичном месте (agora), обсуждали общие дела полиса. Тем самым политика мыслилась не по модели техники (techne), интересующейся только выбором средств для достижения конкретной цели» [1, с. 19].

Постмодернистская парадигма нацеливает исследователя, политика и обывателя на технологическое понимание политики. А маркизация политических процессов, отмечает российский политолог О. М. Михайленок, «усиливает влияние рыночной среды на формирование гуманитарных и демократических ценностей, предполагает коммерциализацию общественных услуг, проникновение рынка в социальную жизнь, маркизацию политического участия» [3, с. 113], что, на наш взгляд, не способствует достижению неких совместных общественных ценностей и идеалов, а предполагает конкуренцию социальных групп и политических элит, борьбу за власть и отстаивание привилегированного status quo.

Последняя треть XX – начало XXI в. демонстрируют целый спектр различных методологических подходов к пониманию политического, которые можно объединить в три группы.

Первый подход («узкое» либеральное понимание политического) рассматривает политическую сферу в ряду иных равноценных ей общественных сфер (экономической, духовной, социальной). Примат экономики в либеральных теориях фактически минимизирует политическое: политика здесь всегда является отражением экономики и, по существу, не имеет самостоятельного значения. Например, менеджизм пытается свести политику к управленческим теориям и моделям, где политик предстает в роли профессионального топ-менеджера, которому в принципе безразлично, чем уп-

равлять: государством или крупной корпорацией. Так сфера политического теряет свою уникальность и специфичность, превращаясь в подобие экономических и/или управленческих структур. Политическое рассматривается как особый рынок, а результатом применения модели «покупатель-продавец» становится рациональный выбор (по аналогии с рыночным обменом), построенный на взаимной выгоде покупателя – избирателя и продавца-политика.

При «узком» подходе политическое как общественное имеет тенденцию сокращаться и выхолащиваться. В «текучей современности» (З. Бауман) не частное подавляется и поглощается общественным, как кажется на первый взгляд, а, наоборот, общественное вытесняется частным. Социолог З. Бауман, характеризуя интерес, который проявляют обычные люди к политическим и общественным лидерам, общественным проблемам, обсуждаемым на различных общественно-политических talk-show, справедливо отмечает, что «“общественное” колонизировано “частным”; “общественный интерес” уменьшился до любопытства к частной жизни общественных деятелей... “Общественные проблемы”, которые сопротивляются таким изменениям, становятся почти непостижимыми» [4, с. 45]. Политическое как общественное исчезает за лавиной номиналистических частных историй, биографий и сторис в соцсетях.

Критикуя такой либеральный подход, лидер французских «новых правых» Ален де Бенуа отмечает: «То, что называют политическим либерализмом, на самом деле является способом применения к политической жизни принципов, выведенных из этой экономической доктрины. Парадоксально, но именно эта доктрина стремится ограничить, насколько это возможно, политическое пространство» [5, с. 19].

Второй подход («широкий»): «все есть политика». «Широкий» подход, будучи наследником консервативного вектора, гиперболизирует политическое, распространяя его на все сферы: «политика тотальна». В таком предельном расширении присутствует все та же опасность «размывания» и исчезновения политического. Если политическим является практически все: мода, культура питания, гендер, этнос, раса и т. п., – то это приводит к исчезновению политиче-

ского (если нет ничего неполитического, то исчезает само «видовое» отличие политического; если «все есть политическое», то одновременно и «ничто не суть неполитическое»). Одновременно тотальность политического (оборотной стороной которого становится идеологизация политики) является фундаментальным основанием для реабилитации шмиттовского метафизического разделения на «друга» и «врага».

Спектр «широкого» понимания политического связан с традиционным философским осмыслением политического в контексте выявления метафизической (а не политической) сущности политического как пространства, необходимого для актуализации и реализации человеческой природы («человек есть политическое животное»), где одновременно суть и структура политического являются отображением космического или божественного порядка.

Понимание политического в начале XXI в. представляет собой раскачивание маятника от традиционалистского «общего дела» до «либеральной политики» как рынка, где в принципе отсутствует общий интерес и все социальные группы преследуют свои корпоративные интересы, а их представители – только личные интересы. При «узком» подходе метафизическое в политическом отсутствует, само же политическое превращается в политику (real politics) как борьбу различных социальных групп за право быть легитимными [1, с. 24–25], которые используют новейшие технологии манипуляции общественным мнением, информационно-коммуникативные, политические и избирательные технологии для реализации поставленных целей.

С середины XX в. прослеживается еще одна отчетливая тенденция формирования *постполитической парадигмы*, которая, по словам российского автора Д. М. Шевчука, «нивелирует возможность проявления смыслов политического, причину чего можем усматривать в доминировании в политической сфере маркетинговых технологий, механизмов государственного управления и под. (термином «постполитика» описывают ситуацию в США при президентстве Барака Обамы, во Франции – при президентстве Николя Саркози, в Италии – при премьерстве Сильвио Берлускони и др.)» [6, с. 122].

Данные колебания в понимании политического приводят к необходимости «повторения» вопроса о политическом (в хайдеггеровском смысле *Wiederholung*) с учетом всей предшествующей традиции. Рефлексия над его основаниями в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну репрезентирует фрагментарное, децентрализованное, десакрализованное и диффузное политическое.

Можно говорить о радикальной трансформации «нормального политического поля», постепенном уходе политического из традиционного поля парламентских дебатов и государственных структур, чья деятельность в лучшем случае превращается в управленческую. Как точно заметил З. Бауман в работе «Текущая современность» (1999), «что касается власти, она уплывает с улиц и площадей, из актовых залов и парламентов, местных и общенациональных правительств в недостижимую для контроля граждан экстерриториальность электронных сетей» [4, с. 48].

Как в эпоху Возрождения философия ушла из схоластических университетов, так и сегодня политическое «утекает» из штаб-квартир политических партий и государственных структур. Российский исследователь И. А. Ерохов отмечает, что «политика начинается там, где появляются субъекты, которые выходят из тени приватной жизни в публичное пространство отношений, беря на себя ответственность, в качестве «авторов» событий» [7, с. 9]. Политические события на рубеже XX–XXI вв. демонстрируют появление и оформление новых субъектов политики, не только лидеров политических партий, но лидеров и активистов общественных движений (от А. Навального до Греты Тунберг), лидеров мнений, блогеров и создателей телеграм-каналов.

Сегодня политическое присутствует в жизни человека вкраплениями, возникая как бы «из ниоткуда» (например, феномен «твиттерных революций» или политического арт-активизма) и так же незаметно растворяясь и исчезая (превращаясь из политического в социально-экономическое, культурно-идеологическое или даже расовое противостояние). В эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну политическое осваивает новые социальные и культурные пространства и захватывает новые социаль-

ные группы (различные меньшинства; демографические группы, не только студенчество, но и школьников, примером чему может служить «революция пингвинов» в 2006 г. в Чили). Политическое утвердилось в моде, жизненном стиле, кинематографе, полностью освоилось в интернет-пространстве, создав новый формат политической деятельности в социальных сетях, мессенджерах, блогосфере.

Особенностями политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну в конце XX – первой трети XXI вв. становятся следующие характеристики: децентрализация, фрагментарный характер, ризоматичность, анонимность, символический характер, гиперреальность, медиатизация.

1. Децентрализация и фрагментарные анклавы постдемократического политического. В эпоху кризиса представительской демократии важнейшие политические институты XIX–XX вв. перестают выполнять свои традиционные функции. Исследователи политического в эпоху постмодерна отмечают его децентрализацию (выход из-под тотального контроля государства) и, как следствие, усиление центробежности, хаотичности, дискретности характера политических идей, институтов и действий. Российский политолог Ю. В. Ирхин полагает, что «постмодернистский проект связан с серьезной трансформацией социальных институтов в современных условиях. Ослабление централизации, иерархии и дисциплины меняет образ социальной и политической власти, коммуникации. Общество фрагментируется, начинает походить на мозаику, образованную малыми группами. Общественная организация дрейфует в сторону доминирования сетевых структур. Власть и политическая коммуникация приобретают значительную подвижность, гибкость, изменчивость. В массовом сознании укрепляется идея амбивалентности власти: власть может служить источником как порядка и стабильности, так и хаоса и неустойчивости» [8, с. 17–18].

Децентрализация политического проявляется в следующем.

Во-первых, острее социально-политической критики второй половины XX – начала XXI вв. как со стороны левых, так и со стороны правых обрушивается на идею современного демократического государст-

ва. Общим местом стали обвинения в превращении современного государства в бездушный институт, более не ставящий целью достижение «общего блага» (*res publica*).

Левые традиционно рассматривают государство как отчуждающую и порабащую человека Систему, обвиняют государство в создании и поддержании тоталитарных форм контроля над обществом и человеком. Традиционалисты и неоконсерваторы, в свою очередь, обвиняют современные западные государства в нарушении естественной иерархии и заигрывании с охлосом.

Во-вторых, в подобном кризисе сегодня находится сама западная представительная демократия, которую все чаще и политические мыслители, и политики, и электорат воспринимают в качестве формального институционального состояния, а не как «процесс взаимодействия людей в публичном пространстве, в котором феноменизируется субъектность, а значит, по большому счету, происходит самообнаружение людьми самих себя» [7, с. 13].

Формальное расширение гражданских и избирательных прав в реальности приводит к снижению «качества» демократичности и даже самой политичности. Широкое распространение институтов гражданского общества, многопартийности, выборов и принципа разделения властей не означает расширение свободы. Как раз наоборот, «расширение» демократии, скорее, является показателем нелегитимности демократии (У. Липман). Выхолащиваются социальные и политические институты современной демократии, что также позволяет вести речь о институциональном кризисе и кризисе нормативности современной политики. Теряют популярность, вынуждены менять организационный формат и осуществлять ребрендинг массовые политические партии. Но даже несмотря на это, не только их идейные платформы, но сам способ их существования и деятельности оказывается все более неэффективным и невостребованным. Место массовых политических партий, представляющих интересы больших социальных групп, занимают даже не кадровые, а картельные и персоналистские партии, выражающие интересы замкнутых олигархических элит. Их отчужденность от населения и больших социальных групп стремительно нарастает. Как справедливо

замечает российский политолог И. А. Ерохов, «политика стала зданием, заселенным политиками» [7, с. 16]. Приватизация политической сферы приводит к стремительной потере легитимности и росту апатии среди большинства населения: «В этом и есть суть кризиса нормативности – монументальный разлом между политикой и разнонаправленными векторами становления культуры» [7, с. 16]. Эта идея стала общим местом в современной политической критике – современная политика перестала быть по-настоящему политикой.

Реакцией на данные процессы становится всеобщее «расколдовывание» (М. Вебер, Р. Генон) сферы политического, новый виток ее дегуманизации и, одновременно, широкая десакрализация и профанизация политики. Фактическая маркетизация политической сферы при одновременном сохранении декораций метанарративности Просвещения вынуждает новых политических субъектов создавать свои правила игры, поскольку на «чужом поле» реальных возможностей реализовать свои социально-политические интересы у них практически нет.

Начав с политической сатиры на номенклатурные политические партии (в 1990-е гг. на постсоветском пространстве), в 2000-х гг. место «петрушечных» партапартий (например, «Субтропической России» или «Партии любителей пива») занимают новые социальные движения, имеющие сетевую структуру и оказавшиеся способными сплотить вокруг себя различные социальные группы (молодежь, левых интеллектуалов, либеральную интеллигенцию, мигрантов и проч.).

2. Ризоматичность политического. Следствием исчезновения метанарративности модерна и десакрализации («расколдовывания») политического становится критика политической иерархии, различных форм тоталитаризма и авторитаризма, структурности и линейности политических процессов. Ризоматичность политического означает, что сегодня власть не принадлежит какому-то отдельному индивиду или группе лиц. Согласно М. Фуко и Ж. Бодрийяру, власть теряет свою субъектность и субстанциональность, деперсонализируется, рассеивается между различными структурами современного общества. Она все чаще реально представлена не только и не столько госу-

дарственными органами и другими традиционными политическими силами (например, политическими партиями), а новыми социальными движениями, уличными протестными выступлениями различных социальных групп (например, широкомасштабные протестные выступления в США в июне 2020 г. движения «Black Lives Matter» под лозунгами против расизма и полицейского произвола, вылившиеся в погромы, агрессию и насилие против белых американцев, полиции и властных структур в целом). Одновременно политическое теряет свою традиционную укорененность, прежде всего в государственной власти. Начало XXI в. изобилует примерами, как традиционные субъекты политики теряют политическую власть, а последняя уверенно закрепляется в «уличной» политике (движения антиглобалистов, «желтых жилетов», «Black Lives Matter», акции протеста экологических активистов в 2019 г. и проч.).

Это не означает полной дезорганизации политического, скорее, его реструктурирование; не отказ от иерархии, а создание иной иерархии, фактически перевернутой (по принципу «позитивной дискриминации», которая является «обратной дискриминацией»). Новые социальные движения антиглобалистов, антифа, радикальных экологов, феминисток и др. так же, как традиционные политические партии и общественные движения, имеют своих лидеров, сеть активистов, организационную структуру, т. е. иерархично выстроены. Не бывает организаций без структур упорядоченности. Однако стратегия и тактика деятельности новых движений существенным образом отличаются от традиционных.

Ризоматичность политического нацелена на уничтожение оснований укорененности и однонаправленности власти. Разрушение традиционной иерархии означает одновременно и обратимость власти, о чем свидетельствует не только выборность и сменяемость демократических политических институтов, но и очень внимательное отношение к институту выборов граждан (избирателей). Сменяемость означает, что принципиального различия между руководителем и подчиненным не существует. Сегодня у власти одни социальные группы, завтра — другие. В эпоху постмодерна власть оказывается невозможно присвоить,

во всяком случае, присвоить (в историческом масштабе) надолго. Релятивность власти не столько опустошает ее, превращая в некий симулятивный объект, сколько вскрывает новые атрибуты власти эпохи постмодерна, делающие ее, по сравнению с традиционным пониманием, гораздо сильнее и, соответственно, опаснее: ее расфокусированность, энтропийный характер, символичность, иллюзорность и потому трудноуловимость. Политическое более не шествует победоносно и не марширует на плацу, а ходит окольными путями. Такими «окольными» путями сегодня становится улица и инфосфера, где политическая власть на исчезает, а распадается на отдельные фрагменты и рассеивается.

Интернет как новый канал коммуникации способствует маргинализации политического. Технологическая революция 1970-х гг. — начала XXI в., породившая лавинообразный поток технологических инноваций, оказала существенное влияние на трансформации политического. Р. Дебре справедливо отмечает, что «инновации являются сразу и случайными в том, что касается их возникновения, и принудительными по своим импликациям. Неразумные, беспричинные и безжалостные, случайные и неумолимые... Они наводняют общества и устраивают в государствах короткие замыкания, а, стало быть, делегитимируют государства. Вероятно, эти последние из всех сил стараются подбодрять себя, перераспределять кредиты, контролировать чрезмерности. *Но технически оптимальное постепенно опережает социально легитимное*» [курсив наш. — В. С.] [9, с. 331]. Технически оптимальное оказывается эффективным и востребованным. В последнее десятилетие социальные медиа целенаправленно, методично и стремительно вытесняют из сферы политического традиционные медиа (печатную прессу, радио, телевидение). Политика все чаще сегодня делается в Facebook'е и Twitter'е. Усиливающаяся тенденция нескольких последних лет демонстрирует смещение акцентов социальной и политической активности с соцсетей (ВКонтакте, Facebook) на мессенджеры (Telegram) и видеохостинги (YouTube, Tik Tok). Как следствие, «цветные революции» как попытки смены политических режимов осуществляются через социальные сети,

превращаясь в «твиттерные революции» и РЧСС («революции через социальные сети»).

3. *Анонимность политического* проявляется в получивших широкое распространение бюрократических кафкианских «процессах» и одиссеях в духе кафкианского «Замка». Исчезает фокус власти, происходит децентрализация власти. Традиционные «центры принятия политических решений», описанные в учебниках политологии, все чаще оказываются дезориентированы и даже бессильны как при принятии важных политических решений, так и при необходимости нести за эти решения всю полноту ответственности. Примерами здесь могут служить беспорядки в США и странах Западной Европы весной – летом 2020 г., изначально связанные с выступлениями против полицейского произвола, а затем переросшие в организованные погромы против обычных граждан. Показательны в этом отношении действия государственных органов ряда американских штатов (в частности, в штатах Миннесота и Вашингтон), которые сначала оказались в растерянности и нерешительности, а затем не только не приняли решительных мер по защите прав и свобод граждан, но, напротив, потворствовали и даже пошли на «соглашательство» с движением Black Lives Matter, которое за последние полгода превратилось в серьезную политическую силу. Как метко заметил французский социолог П. Бурдьё, «невозможно знать, кто субъект окончательного решения... Место решения – везде и нигде (в противоположность иллюзии о «решателе», лежащей в основе многих частных исследований о власти)» [10, с. 164].

Политическое постмодерна оказывается не Произведением, а самостоятельным Текстом (Р. Барт), независимым от первоначальных интенций политических акторов – «авторов». Политические решения, действия и события все чаще получают далекое от первоначальных импульсов и непредсказуемое развитие. Кто из политических акторов принимает на себя или несет за это ответственность? Ответ все чаще повисает в воздухе, подтверждая анонимизацию политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну.

4) *Гиперреальность символического политического*. Постмодерн – эпоха симулякров и приобретающей тотальный харак-

тер симуляции. Виртуализация реальности усиливает данные процессы. Для молодого поколения (так называемых зумеров) эпицентр смысложизненных ориентаций все более переносится в мир социальных сетей, мессенджеров и сетевого мифотворчества. В политической сфере широкое применение технологий создания, внедрения и продвижения фейковых новостей/событий усиливает процессы замены реальности гиперреальностью, подменяя реальные события, вещи и процессы симуляциями. Множатся симуляции как в виртуальной, так и в объективной реальности, приводя к исчезновению чувства реальности и невозможности определить, что реально, а что нет.

Место политической реальности модерна все более занимает виртуальная гиперреальность постмодерна, а само политическое все более приобретает символический характер в виде, например, все большей информации и все меньшей осмысленности. Симулякры распространяются лавинообразно, захватывая все новые сегменты политического: государственная бюрократия, политические партии и общественные объединения, деятельность парламентских групп, политические лидеры. В постмодерне начинают доминировать институты, названные У. Беком «учреждениями-зомби», которые «мертвы и все еще живы». Мертвы они сущностно и функционально, хотя формально продолжают существовать, являя собой прекрасный пример реликтового изучения.

В разрастающейся гиперреальности реальность сокращается, поглощается и полностью исчезает. Все традиционные точки отсчета, имевшие когда-то онтологический статус (истина, реальность, фактичность), теряют его и становятся явлениями символического порядка.

5. *Медиатизация политического. Политическое как медиадискурс*. Политическое сегодня всегда есть медиаполитическое. Перефразируя расхожую фразу «если вас нет в фейсбуке, вас нет вообще», сформулируем следующую закономерность: политическое событие становится таковым, только если оно представлено в СМИ; посредством СМИ любое неполитическое событие может стать политическим. Посредством СМИ политическое событие получает «путевку» в короткое событийно-информационное существование и всегда опреде-

ленную идеологическую интерпретацию. В полной мере можно говорить о медиатизации политического и политической власти в частности. Как заметил Бальзак, «не ищите власть во дворце Тюильри... Она перешла к журналистам». Однако сегодня традиционные СМИ (печать, радио, телевидение) перестали быть эффективными каналами коммуникации, теряя аудиторию прямо на глазах. Государство, влияющее на деятельность традиционных СМИ в рамках государственной информационной политики, все чаще оказывается неспособным конкурировать с электронными медиа (социальными сетями, мессенджерами, видеохостингами) ни по объему предоставляемого контента, ни по скорости передачи и распространения информации, ни по разнообразию предлагаемых интерпретаций, ни по эффективности воздействия на общественное мнение, ни по функционированию механизмов обратной связи с потребителями. Современные тяжеловесные и ригидные государства теряют властные рычаги в том числе и по причине своей неповоротливости и технологического отставания в информационно-коммуникационной сфере.

В этом смысле социальные медиа и интернет-коммуникации в целом – это не только символ технического и технологического прогресса, но и огромный потенциал для новых форм общения: «эффект непосредственности всякий раз возрастает, и это ключ к удобству и к техническому прогрессу» [9, с. 251]. Революция в сфере коммуникации заключается в «новом способе описания мира и рассказывания историй, согласно тернарной (включая медиум), а

уже не бинарной, логике» [9, с. 266–267]. Вспоминая известный тезис Маклюэна «The medium is the message», Дебре видит в появлении и широком распространении новых каналов коммуникации «переворот в логистической сети изготовления/складирования/циркуляции знаков. Имеется в виду возникновение смещенных узлов общения, интерфейсов, служащих носителями новых ритуалов и упражнений и функционирующих как производители общественного мнения» [9, с. 270]. Новые каналы и технологии коммуникации, новая логистика циркуляции информации и смыслов завоевывают сферу политического, одновременно представляя новые вызовы и угрозы для общественной безопасности, эффективные ответы на которые еще предстоит выработать.

Заключение

На рубеже XX–XXI вв. в сфере политического происходят существенные изменения. Данные изменения носят объективный закономерный и глубинный характер, они отвечают общему контексту социально-исторических и духовных трансформаций, происходящих на этапе смены парадигм. Они связаны с трансформацией понимания самого политического, постепенно лишаемого романтического ореола «общего дела»; доминированием понимания политического как пространства столкновения интересов различных социальных групп; расширением и усилением проявлений таких черт политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну, как ризоматичность, фрагментарность, анонимность, символичность, медиатизация политического.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федорова, М. М. Философия и политика / М. М. Федорова // Филос. журн. – 2012. – № 2. – С. 17–26.
2. Алексеева, Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2018. – 623 с.
3. Михайленок, О. М. Маркетингизация политического как адаптация к изменившимся социально-политическим отношениям / О. М. Михайленок // Россия реформирующаяся : сб. науч. ст. – М. : Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 113–132.
3. Бауман, З. Текучая современность : пер. с англ. / З. Бауман ; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
4. Бенуа, А. де. Против либерализма: к Четвертой политической теории / А. де Бенуа ; пер. с фр., предисл. А. Дугина. – СПб. : Амфора, 2009. – 476 с.

5. Шевчук, Д. М. Философское понимание политики и современная (пост-) политическая ситуация / Д. М. Шевчук // Вестн. Томс. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 2 (26). – С. 122–129.
6. Ерохов, И. А. Современные политические теории: кризис нормативности / И. А. Ерохов ; науч. ред. И. К. Пантин. – М. : Праксис, 2008. – 242 с.
7. Ирхин, Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики / Ю. В. Ирхин // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер. Политология. История. Междунар. отношения. – 2014. – № 1 (123). – С. 13–25.
8. Дебре, Р. Введение в медиологию / Р. Дебре ; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2010. – 368 с.
9. Бурдье, П. Начала / П. Бурдье ; пер. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.11.2020